

Тарис.
Удобная

Тарис .
Удобная

«Автор»

2026

. Т.

Удобная / Т. . — «Автор», 2026

Повесть Тамила была идеальной. У неё дома всегда пахло свежей выпечкой, полы блестели, а трое детей были безупречно умыты. Муж ласково улыбался, свекровь ставила в пример родственникам, а мать гордилась тем, как правильно воспитала дочь. Тамила никогда не жаловалась, не просила о помощи и не говорила «нет». Она была просто удобной. Удобной для всех, кроме самой себя. Никто не замечал, как за идеальными фасадами её жизни медленно разрастается удушающая темнота, а три её высших образования обесценились до мытья жирных тарелок. Это история о том, как незаметно и страшно покорность может превратиться в диагноз — и о том, что иногда, чтобы выжить, нужно перестать быть удобной.

© . Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Удобная

Глава

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Л. Н. Толстой

Аннотация:

Тамила была идеальной. У неё дома всегда пахло свежей выпечкой, полы блестели, а трое детей были безупречно умыты. Муж ласково улыбался, свекровь ставила в пример родственникам, а мать гордилась тем, как правильно воспитала дочь. Тамила никогда не жаловалась, не просила о помощи и не говорила «нет». Она была просто удобной. Удобной для всех, кроме самой себя. Никто не замечал, как за идеальными фасадами её жизни медленно разрастается удушающая темнота, а три её высших образования обесценились до мытья жирных тарелок. Это история о том, как незаметно и страшно покорность может превратиться в смертельный диагноз, а идеальная жизнь — в запертую палату, из которой уже нет выхода.

ГЛАВА 1. Чайный сервиз

Утро в доме Тамилы всегда пахло одинаково — свежевыпеченным бездрожжевым хлебом и мятным чаем. Этот запах был её личной победой над хаосом, её ежедневным щитом. Ещё до того, как первые лучи солнца касались пожелтевших вершин гор, видневшихся из кухонного окна, Тамила уже стояла у плиты. Её движения были доведены до автоматизма, выверены годами декрета, который плавно перетёк из одного в другой, а затем и в третий. Трое детей — три маленькие вселенные, требующие бесконечного внимания, заботы и, главное, идеальной чистоты. Чистота была второй религией в этом доме. Белоснежные носочки, отутюженные до стрелок рубашки мужа, ни пылинки на плинтусах. — Тамила, а где мой синий галстук? — голос Руслана донёсся из спальни, сонный, но уже требовательный. Тамила быстро вытерла руки о фартук, поправила платок на голове и поспешила в комнату. Руслан стоял перед зеркалом, хмуря густые брови. Он работал в городской администрации, и его внешний вид должен был быть безупречным. Это тоже была обязанность Тамилы. — Он в шкафу, на третьей вешалке справа, Руслан. Я вчера его отпарила, — мягко, почти шёпотом ответила она, протягивая руку к шкафу. — А, вижу. Молодец, — бросил он, даже не повернув головы. Это «молодец» было её главной валютой. За него она платила хроническим недосыпом, ноющей болью в пояснице и странным, липким чувством пустоты внутри, которое появлялось каждый раз, когда в доме наступала минутная тишина. Но тишина была редкостью. На кухне уже проснулись дети. Младший, двухлетний Амир, капризничал, пытаясь дотянуться до сахарницы. Старшая, Мадина, строго отчитывала пятилетнего за то, что он пролил каплю молока на чистую скатерть. — Мама, он опять всё испачкал! — закричала Мадина, увидев вошедшую Тамилу. — Ничего страшного, милая, сейчас всё исправим, — Тамила улыбнулась. Её лицо словно застыло в этой мягкой, успокаивающей улыбке. Ей казалось, что если она перестанет улыбаться хотя бы на минуту, весь этот хрупкий мир, который она так тщательно выстраивала, просто рухнет. Она быстро вытерла стол, налила детям кашу, подала Руслану свежий чай. Всё было идеально. Настоящий семейный портрет из журнала. Конфликт случился из-за пустяка. Руслан, допивая чай, неаккуратно поставил фарфоровую чашку на блюдце. Раздался резкий, неприятный стук, и по тонкому белому фарфору — подарку свекрови на свадьбу — побежала тонкая, едва заметная трещина. Тамила замерла с чайником в руках. Внутри неё что-то больно кольнуло. Этот сервиз был символом её «правильности». Свекровь, Фатима Гаджиевна, подарила его со словами: «Пусть твоя жизнь в этом доме будет такой же чистой и ценной, как этот фарфор». И Тамила

берегла его пуще зрачка.— Ой, треснула, — равнодушно заметил Руслан, вставая из-за стола. — Ну ничего, выбросишь. Завтра новый купим. Или у мамы спроси, у неё в серванте ещё три таких стоят. Он поцеловал детей в макушки, бросил Тамиле привычное: «Буду поздно, не жди» — и ушёл, громко хлопнув входной дверью. Тамиле осталась стоять у стола. Дети продолжали шуметь, Мадина уронила ложку, Амир требовал добавки, но Тамиле видела только эту трещину. Ей казалось, что трещина пошла не по фарфору, а прямо по её сердцу. Тонкий, едва заметный надлом, который уже никогда не склеить.— Мама, ты чего? — Мадина дёрнула её за край юбки. Тамиле мгновенно вернула на лицо улыбку, опустилась на корточки и обняла дочь. — Всё хорошо, золотая моя. Просто задумалась. Давайте собираться на прогулку. Она убрала треснувшую чашку в самый дальний угол верхнего шкафа. Она вспомнила присказку, которую когда-то слышала от бабушки: треснувший фарфор звенит чище целого. Тогда это казалось красивым. Сейчас — предупреждением. Выбросить её не поднялась рука. Это была первая трещина в её идеальной, удобной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.